

Пріѣздъ раненаго въ родное село Таборы, Оханск. уѣзда. По года въ день Крещенія Господня выдалась нынѣ на рѣдкость теплая и тихая. Крестный ходъ на р. Каму былъ весьма многолюденъ. Чудный видъ представляло это святое торжество! На берегу величавой рѣки, скованной теперь могучимъ покровомъ льда, было тихо. Хоругви, высоко подняты, осѣняли молящихся, занимавшихъ весь берегъ и часть рѣки. Слова священныхъ пѣснопѣній какъ то особенно трогали сердце, и мысль невольно переносилась туда, далеко, гдѣ въ кровавой борьбѣ за Русь святую въ иныхъ условіяхъ встрѣчаютъ этотъ день наши воины. И на лицахъ многихъ можно читать чувства умиленной молитвы къ Творцу всяческихъ за этихъ отсутствующихъ — отцовъ, мужей и братьевъ, какъ и за всѣхъ защитниковъ нашего дорогого Отечества. Кончилось водоосвященіе, крестный ходъ возвратился въ церковь. Небольшая группа еще задержалась у іордани, и кто то замѣтилъ на дорогѣ приближающуюся одиночку-подводу и въ ней необыкновеннаго сѣдока — солдата. Не съ войны ли кто? Побѣжали навстрѣчу: оказалось, дѣйствительно, съ войны, да еще свой. Вѣсть о прибытіи своего раненаго быстро разнеслась по селу, и многіе, не успѣвшіе еще уѣхать домой, въ деревни, собрались къ прибывшему; прибѣжала и жена, бывшая какъ разъ въ селѣ; отъ неожиданной, радостной встрѣчи она только тихо плакала, временами крестясь, а словъ не находилось. Солдатыкъ вышелъ изъ саней и, увидя жену, самъ не могъ удержаться отъ слезъ, да и всѣ зрители не могли отъ этого удержаться. Толпа плотнымъ кольцомъ окружила ихъ, и скоро солдатъ былъ засыпанъ вопросами: какъ, откуда прибылъ, куда раненъ? Но что же это? Прибывшій молчитъ и тихо плачетъ. Лица присутствующихъ стали еще болѣе печальными, когда услышали отъ ямщика, что служивый былъ оглушенъ разрывомъ „чемодана“, почему съ нимъ нужно громко говорить. Наконецъ, солдатикъ оправился и, болѣе догадываясь, чѣмъ слыша, о чемъ у него спрашиваютъ, рассказалъ про себя, что онъ въ началѣ ноября находился въ окнахъ, подъ Варшавой, непріятель нащупалъ наше расположеніе и открылъ по окопамъ страшную стрѣльбу „чемоданами“. Однимъ изъ первыхъ разорвавшихся снарядовъ былъ почти разорванъ товарищъ-землякъ Тимошей Редѣвъ и раненъ другой землякъ Аеанасій Реутовъ, а что было затѣмъ, солдатъ уже не помнить. Когда пришелъ въ себя, то ничего не слышалъ, говорить не могъ, кровь изо рта, носа и ушей залила лицо и грудь, но раны никакой нигдѣ не было. Самъ ушелъ на перевязочный пунктъ, а затѣмъ поступилъ въ походный лазаретъ. Способность говорить явилась су-

товъ чрезъ двое, а слухъ и теперь плохъ. Давно окончилъ раненый свой рассказъ, а многіе не расходились, видимо, теперь только представляя ужасы войны.

Прошла почти недѣля, и въ воскресный день въ храмъ можно было видѣть рослую фигуру воина, ставившаго свѣчу угоднику Николаю и горячо молившагося этому великому Заступнику несчастныхъ.

Свящ. А. Бириловъ